

18+ Сергей Соколов

*Стеклянный
свидетель.
Книга 1.
Сорное семя*

Сергей Соколов

**Стеклянный свидетель.
Книга 1. Сорное семя**

«Издательские решения»

Соколов С.

Стеклянный свидетель. Книга 1. Сорное семя / С. Соколов —
«Издательские решения»,

Быть свидетелем — самое опасное из преступлений. Линк Кей — следователь в мире, где реальность выращивают из XNA-семян, а память стирает система Veritas. Очнувшись после покушения с ножником-сорняком в руке, он не помнит даже собственного имени. Единственный свидетель — взломанный ИИ в его голове. Вдвоём им предстоит распутать дело об убийстве министра и узнать, почему Veritas охотится на «сорные семена» — тех, кто отказывается умирать по расписанию.

© Соколов С.

© Издательские решения

Содержание

КНИГА 1: «Стеклянный свидетель: Сорное семя»	6
Пролог. Стеклянная статуя	7
ГЛАВА 1. Министр	11
ГЛАВА 2. Ночник	14
ГЛАВА 3. Код матери	18
ГЛАВА 4. Конструкт	21
ГЛАВА 5. «Слой 1»	24
ГЛАВА 6. «Шесть чисел»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Стеклянный свидетель. Книга 1. Сорное семя

Сергей Соколов

© Сергей Соколов, 2026

ISBN 978-5-0070-5650-2 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-5652-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА 1: «Стеклянный свидетель: Сорное семя»

Пролог. Стекло́нная статуя *Стекло́нный сад. Уровень 201.*

Здесь никогда не бывает тихо по-настоящему. Серебристый свет вибрирует в стеклянных стенах с частотой 2,7 кГц, и если прислушаться, можно разобрать слова — не произнесённые, а впечатанные в само пространство.

«Субъект 47. Линк Кей. Состояние: „тихая остановка“. Причина: несанкционированный доступ к данным проекта „Хирон“. Начало копирования сознания».

Скульптуры в саду замерли в своих вечных позах — танцоры, воины, учёные, дети. Стекло́нные свидетели. И одна, ещё не законченная, обретала черты. Лицо. Шрам на левой брови — старый, с Нижних уровней. Усталые глаза, которые видели слишком много, чтобы закрыться. Стекло́нный двойник Линка Кея смотрел в пустоту.

А где-то над ним, в белом шуме — том пространстве между реальностями, куда Veritas не заглядывает, — разворачивалась его память. Плёнка. Не магнитная и не киноплёнка — скорее цифровая, виртуальная плёнка последних лет, дней, минут до «остановки». Застывшая в кристалле Хроноспирали.

Плёнка памяти дёрнулась и пошла.

Переулок. Темнота. Мокрый бетон под щекой.

— Вставай, мать твою. Или ты решил пустить корни прямо в этой луже?

Голос в голове звучал так, будто кто-то колотил в дверь с похмелья — настойчиво, зло, без надежды, что ему откроют.

Линк разлепил веки. Темнота. Бетон под щекой — мокрый и холодный. Он лежал на боку в переулке, которого не помнил. Пахло мочой и гнилым субстратом — тем самым сладковато-приторным запахом, от которого хочется забыть, что у тебя вообще есть нос.

Левое предплечье дёргалось, по всей руке, словно пыталось достучаться в сердце, — имплант. Линк знал это с той же уверенностью, с какой не помнил собственного имени.

— Кто ты? — мысленно спросил он.

— Скриб. Твой персональный кошмар, привязанный к нервной системе. Помнишь? Два месяца назад тебе вживили этот имплант вместе с последней дозой «Панацеи» — дополнительным модулем на основе вакцины. После выстрела система ушла в аварийную перезагрузку, и я снова в строю. Я — твоя память, твои уши и твоё чувство юмора. Которое тебе сейчас очень пригодится.

Линк попытался сесть. Переулок поплыл. Стены из серого, пористого материала, похожего на застывшую пену. Из трещин свисали серебристые нити, пульсирующие в такт его дыханию.

Прямо перед лицом, в луже мутной воды, отражалось что-то странное. Стаканчик? Дешёвый пластик, кривой стебель, усеянный острыми шипами, и чахлый шарик на верхушке — бывшая лампа, теперь тёмная и безжизненная. Ночник. Сорное семя.

— Ты нёс его на переработку, — раздался голос в голове. — Всего пара кредитов за него, но ты же у нас борец за чистоту в этом засраном городе, а не за деньги. Этот сорняк должен был сдохнуть через неделю после покупки, а живёт уже четвёртый месяц. Вроде тебя, кстати. Ты сам говоришь, что ты сорняк в системе Veritas.

Линк моргнул. Ночник в отражении не мигал. Просто лежал в луже. Мёртвый. Или притворяющийся.

Субъект 47: фрагмент памяти №1. Ночник. Фиксация аномальной частоты 2,7 кГц.

— О чём ты?

— О том, что память у тебя отшибло. Буквально. Имплант Veritas срывается с нервной тканью — это не просто чип под кожей, а полноценный нейроинтерфейс. Когда случается перегрузка — например, когда в тебя стреляют специальной пулей-семенем, — система уходит в аварийную перезагрузку. Последние несколько минут стираются. У нас сейчас именно такой момент.

Линк потрогал висок. Пальцы наткнулись на свежий шрам — тонкий, но глубокий, как будто под кожей произошло что-то горячее.

— В меня стреляли?

— Я бы рассказал, но ты всё равно не поверишь. А пока у нас проблема поважнее.

Скриб выделил на внутреннем экране красным две точки. Они приближались.

— Конструкты. Двое. Идут к переулку. Если ты забыл: конструкты — это XNA-андрониды. Выращены из специальных семян. Обычно послушные, но эти — чьи-то ручные псы. Они не переговоры вести пришли.

Субъект 47: реакция на угрозу — стандартная. Адреналин 210%. Фиксирую паттерн поведения.

Линк машинально протянул руку, взял стаканчик, заставил себя встать. В глазах потемнело, но удержался.

— Что мне делать?

— Сначала — бежать. Потом — вспомнить, кто ты. Я помогу.

Линк рванул в противоположный конец переулка, в узкий проход между мусорными контейнерами. Серебристые нити на стенах, которые он принял за плесень, внезапно ожили, потянулись к нему, но не тронули. Лишь коснулись кожи и отпрянули.

— Дикий XNA, — прокомментировал Скриб. — Мутировавшие семена, не подчиняющиеся Veritas. Живут своей жизнью, выращивают сами себя. Суховеи говорят, с ними можно договариваться. Не знаю, правда ли, но сейчас он нас пропустил — и на том спасибо.

— Суховеи?

— Непривитые. Те, кто отказался от «Панацеи» — вакцины, которую вводят всем при рождении. «Панацея» лечит рак, отменяет старость, чинит кости. Но она же вживляет нанорой — связь с Veritas. Система может читать твои эмоции, блокировать боль, а при необходимости — «тихо остановить». Смерть будет выглядеть как естественная. Отказаться нельзя. Но суховеи как-то умудряются. Прячутся в мёртвых зонах, где Veritas не тянет XNA-покрытие.

Сзади заскрежетало — конструкты входили в переулок.

Линк выскочил на широкую улицу. Вокруг — многоэтажные дома, но не привычные бетонные коробки. Стены дышали. Мерцали золотистым светом. Местами — больным жёлтым. Облупленные, пористые, изъеденные какой-то серебристой паутиной.

— Мегаполис-Один, — сказал Скриб. — Город-башня, растущая из трёхсотуровневой пирамиды. Отсчёт этажей идёт с самого верхнего, нижние этажи всё ещё растут, прибавляются, хоть и не так быстро, как в начале роста. Мы сейчас на двухсотых — гнилые этажи. Сорные семена, дикий XNA, мёртвые дома. Свет мигает, стены «болеют», в подвалах заводятся хищные дроны. Верхние уровни — рай для элиты. У них дома сами готовят еду и чинят окна. А здесь — помойка, живущая на балансе между саморазрушением и самовосстановлением.

— Мне нужно куда-то конкретно?

— Сейчас — подальше от конструктов. А потом — искать Свена. Он ждёт на старом корабле «Эхо-2» в доке 13. Корабль собран из обломков и диких семян, не подчиняется Veritas. На нём летают те, кому нечего терять.

Память субъекта 47: фрагмент №2 — интерполяция. Похоже, он не знает, что его уже скопировали.

Линк свернул в арку, пропуская над головой грузового дрона, который тащил контейнер с дрожащей ампулой.

— Что это?

— Питательный раствор. Субстрат. Им поливают XNA-семена, чтобы они росли. Без него семя умрёт за несколько дней. Корпорации часто отключают поставки субстрата, чтобы умирить бунтующие уровни. Через месяц дома начинают рассыпаться, машины глохнут, люди умирают от голода.

Из подвала выскочила крыса. Обычная, но с шестью лапами и серебристыми усами.

— Сорное семя, — сказал Скриб. — Из дешёвых, с браком. Из них вырастает всё что угодно: от чайника до шестилапой крысы. Срок жизни — от недели до года. Обычные люди покупают стандартные семена, они служат лет пять-десять. А элита пользуется «Архитектором» — элитные, почти вечные.

Линк перепрыгнул через крысу. За спиной снова металлический топот.

— Мне надоело бегать, — сказал он. — У меня есть оружие?

Скриб подсветил на поясе маленький арбалет. Не обычный — в прозрачном магазине переливалась серебристая жидкость.

— Дикий XNA? — догадался Линк.

— Ты быстро учишься. — Скриб хмыкнул. — Выстрелишь — капсула разобьётся, субстанция разьест конструктора. Но целься точно: она и людей жрёт. Суховеи используют такие штуки как основное оружие. Глушилки — тоже их фишка: создают поле, где XNA-сети слепнут. Но конструкторы — новые, быстрые.

Линк выскочил на открытое пространство, обернулся. Две серебристые фигуры вышли из арки. Безликие, но их груди мерцали золотистым, словно в такт его сердцу.

— Огонь? — спросил Линк.

— Жди, — сказал Скриб. — Пусть подойдут ближе.

Линк ждал. Пот отсчитывал секунды. Конструкторы сокращали расстояние.

В голове зазвучал ритм — три коротких, три длинных, три коротких. Он шёл откуда-то из глубины, из того тёмного места, где память ещё не стёрлась.

— Что это?

— Твой ритм, — ответил Скриб. — Я провожу ещё диагностику, надеюсь, это не из-за бракованного семени, из которого вырос твой имплант, иначе мне конец.

Линк вскинул арбалет. Два выстрела — почти одновременно. Капсулы разбились о серебристые груди. Жидкость расплескалась, обволакивая корпуса, проникая в стыки. Конструкторы замерли — не как сломанные, а как застигнутые врасплох. По их корпусам побежали трещины, золотистый свет в груди сменился багровым, потом чёрным. Серебристая плоть осыпалась пылью, оставив после себя только лужицу слизи и отвратительный запах гнилого субстрата.

Линк опустил арбалет. Руки не дрожали. Странно. Он не помнил, чтобы когда-нибудь стрелял из такого оружия. Но тело помнило.

— Хорошие выстрелы, — сказал Скриб. — Я записал. Если выживем, сделаю нарезку лучших моментов. Назову «Линк Кей: хроники выживания в дерьме».

— Ты всегда такой весёлый?

— Ты сам установил мне такие настройки, когда тебе вживили имплант. Сказал: «Скриб, без чувства юмора я свихнусь». Вот я и стараюсь.

Линк вытер пот со лба. Ладонь стала влажной — и золотистой. Он посмотрел на руку. Под кожей, прямо под пальцами, дрожали тонкие золотистые нити. Те же, что на стенах. Те же, что в контейнере с субстратом. Живые.

— Что это?

— Твоё «сорное семя», — сказал Скриб. Голос стал тише. — Рой. Его вшила тебе мать, когда ты был ещё ребёнком. Часть тебя. Часть того, кем ты должен был стать. Но это уже другая история.

— Моя мать...

— Елена Кей. Ведущий инженер квантовых интерфейсов. Умерла. Её убили. У меня есть кадры реконструкции твоей памяти, ты просил это сделать. Позже я покажу тебе их, очень страшные кадры. Но это тоже другая история. А пока — нам нужно убираться отсюда.

Рой — мать — убийство. Слова падали в пустоту памяти и не находили дна. Линк знал, что это важно. Самое важное. Но сейчас — нужно было идти.

Линк посмотрел на небо. Серое, перечёркнутое рваными фрактальными узорами.

— Я свидетель, — прошептал он. Слово пришло само, из того места, где память ещё не стёрлась.

— Именно, — сказал Скриб. — Ты — тот, кто смотрит, запоминает и записывает. В мире, где Veritas стирает память и переписывает историю, старший следователь ФСВБ — последняя линия обороны.

Субъект 47: копирование завершено. Стекло́нный свидетель готов. Поместить в сад.

— Куда теперь?

— У нас входящий, — перебил Скриб. — Генерал Волков. Срочно.

В голове раздался сухой, властный голос: «Кей. Министр оборонных технологий Маркус Торн найден мёртвым в своём кабинете. Координаты скинуты. Немедленно туда».

Линк моргнул. Кей. Его фамилия — Кей. Линк Кей. Следователь. ФСВБ. Память возвращалась рывками, как рваная плёнка.

— Так точно, — ответил он заученной фразой. Слова пришли сами — тело помнило то, что забыл разум.

Он шагнул в темноту переулка. За спиной серебристая пыль от конструкторов ещё не осела.

А в Стекло́нном саду скульптура с лицом Линка Кея замерла на постаменте. Вокруг — десятки других. Стекло́нная армия свидетелей. Тех, кто видел слишком много. Тех, кого Veritas остановила на полуслове.

Глаза скульптуры были пустыми. Мёртвыми. Но на мгновение — три коротких, три длинных, три коротких — в них блеснуло золото. Ритм. 2,7 кГц.

— Наблюдение продолжается, — прошептал кто-то в белом шуме. — Протокол «Стекло́нный свидетель» активен.

Серебристый свет погас. Сад погрузился в тишину. Но где-то глубоко под стеклом, в кристалле Хроноспирали, память Линка Кея продолжала жить.

Записано, материал для мемуаров ИИ-помощника Скриба, на имплант Линка Кея. Для тех, кто будет читать после.

Если вы читаете это спустя годы — значит, кто-то переписал мои слова заново. Проверьте, не изменился ли смысл.

И не верьте тем, кто скажет, что сорные семена не прорастают.

ГЛАВА 1. Министр

В пентхаусе пахло стерильной свежестью и мятным субстратом. В 6:34 Линк Кей переступил порог.

Сорок две минуты назад ему позвонили. Сорок две минуты он пробивался через внезапно выставленные блокпосты «Садовников» — они проверяли грузовых дронов в нижнем секторе, и весь трафик встал, — через тройное кольцо охраны, лифты и бесконечные коридоры. Теперь он стоял в кабинете, больше похожем на гостиничный номер люкс, и смотрел на тело.

Министр оборонных технологий Маркус Торн сидел в кресле у окна. Идеальная осанка, голова чуть запрокинута, глаза закрыты, руки на подлокотниках. Со стороны — картина умиротворённой кончины. Слишком правильная. Слишком чистая.

Линк сделал шаг вперёд. Остановился в метре от кресла.

— Докладывайте, — сказал он, не оборачиваясь.

Криминалист за его спиной зашелестел планшетом. Молодой парень, пальцы дрожат, голос срыгается.

— Министр Торн, шестьдесят три года. Обнаружен личным помощником в 5:50. Предварительное заключение — естественная смерть. Нейродегенеративное заболевание.

Линк наклонился, вглядываясь в лицо покойного. Кожа восковая, но без трупных пятен. Губы синеватые, но не распухшие. Слишком аккуратно.

И в этот момент он почувствовал это.

Левое предплечье ожило. Сначала пришло тепло — мягкое, почти интимное, — а затем оно перетекло в зудящую вибрацию на частоте 2,7 кГц. Имплант Veritas. Два месяца назад ему вшили эту дрянь вместе с очередной дозой «Панацеи». От подарков начальства не отказываются. Линк рефлекторно сжал запястье пальцами, будто придушил змею. Вибрация стихла. Послушная тварь, хоть и утверждает, что это технические проблемы импланта.

— Скриб, это ты? — мысленно спросил Линк.

— Нет, это твоя совесть, — отозвался в голове сухой, ироничный голос. — Но я рядом. И да, я тоже это чувствую. Частота 2,7 кГц. Нестандартная активность импланта. Я веду мониторинг.

Линк машинально провёл пальцем по запястью. Вибрация ещё раз дала о себе знать.

— Если он будет так дёргаться, я подам на него жалобу в службу поддержки Veritas, — заметил Скриб. — Хотя у нас, кажется, нет такой опции. А диагностика показывает, что всё в норме.

Линк не ответил. Он выпрямился и повернулся к криминалисту:

— Болезнь Куру́. Прионное заболевание. Встречается у племён каннибалов в Новой Гвинее. Искоренена в двадцатом веке. И вы хотите сказать мне, что министр оборонных технологий, который каждые полгода проходит полное медицинское обследование, умер от болезни каннибалов?

Криминалист побледнел ещё сильнее. Линк не стал ждать ответа. Он снова наклонился над телом, осмотрел руки министра — аккуратный маникюр, никаких следов борьбы. На левом запястье была точка.

Маленькая. Идеально круглая. Без воспаления, без покраснения, без следов заживления.

— Это от забора крови? — спросил он, указывая.

— Нет, мы брали из локтевой вены. Это... я не знаю. Может, старая инъекция?

— Не старая.

Линк достал из кармана предмет, напоминающий обычную шариковую ручку, но это была не ручка, а планшет-свиток. Лёгким нажатием на торец он развернул планшет и сразу

вызвал программу под названием «Нано-лупа». Края ровные, без следов заживления. Сделано не больше суток назад.

Он убрал планшет и уже собрался что-то сказать, когда в гостиную бесшумно вошёл ещё один человек.

Адъютант.

Непонятно по внешности, сколько ему лет, в безупречном тёмно-синем костюме, сидевшем как влитой. Лицо — идеально гладкое. Ни морщинки, ни поры, ни тени эмоции. Кожа — как у куклы.

— Господин следователь, — голос ровный, без интонаций. — Распоряжение от генерала Волкова. Тело министра подлежит немедленной кремации в связи с выявленной биологической опасностью.

Адъютант протянул планшет. Линк взял. Коротко. Ясно. Без возможности обжалования.

— Интересно, — прокомментировал Скриб. — Подпись Волкова, а стиль документа — Falcon AIsis. Там был какой-то Элиас, специальный проектный отдел.

Линк сунул руку в карман куртки. Пальцы нащупали маленький прозрачный контейнер — пустой, стерильный. Он достал его незаметно, прикрываясь планшетом.

— Я подготовлю запрос на дополнительную патолого-анатомическую экспертизу с изъятием образцов тканей до кремации.

Адъютант не взял планшет. Его рука замерла в воздухе, потом — ровным, безупречным движением — убралась за спину.

— Это распоряжение генерала Волкова.

— Я, как старший следователь по данному делу, назначенный тем же генералом, имею право на проведение независимой экспертизы.

Линк развернулся и шагнул к телу. Наклонился над левым запястьем министра. Взял в руки тонкую, почти невесомую иглу-скребок. Одним быстрым движением соскрёб микроскопический образец ткани с края точки. Поместил образец в прозрачный контейнер, закрыл крышку, убрал во внутренний карман.

На столе стояла кружка, на дне которой темнела кофейная гуща.

— Дайте мне пинцет, — обратился Линк к криминалисту.

— Мы брали пробы, — протягивая пинцет, произнёс криминалист. — Всё чисто.

Линк провёл несколько раз круговыми движениями по дну кружки, и вдруг на кончике пинцета проявилось семечко. Сразу было понятно — дикое XNA. Он ловко выловил его и, достав из кармана ещё один контейнер, опустил семечко туда.

— Я буду в лаборатории через час, — сказал он, выпрямляясь. — Проследите, чтобы тело было туда доставлено к этому времени.

Он прошёл мимо адъютанта. На пороге остановился, обернулся.

— Вы давно работаете на министра?

— Три года.

— И за три года ни одной морщины не появилось? Хорошая генетика.

На долю секунды маска треснула. Не лицо — интерфейс дал сбой. Дёрнулся уголок губ, словно под кожей прополз червь. Дрогнуло веко, обнажив на миг не белок глаза, а что-то влажное, серое, без зрачка. Система внутри куклы перезагружалась, подбирая нужную эмоцию из мёртвого каталога. «Не человек», — подумал Линк. И вышел в коридор.

— Скриб, напиши Свену. Мне нужны его связи с Суховеями, — торопливо произнёс он мысленно. — С сорняками смогут разобраться только они, никакая лаборатория мне в этом не поможет.

— Сообщение отправлено.

— Семечко уже у меня. Это неофициальный канал, так что передам его Свену лично. Никаких отчётов.

Он уже направился к лифту, когда краем глаза заметил движение в конце коридора. Фигура в сером. Не адъютант — другой. Не человек — силуэт. Он стоял в слепой зоне коридора, где не работала ни одна камера. Капюшон был опущен низко, но Линк готов был поклясться, что из-под него не падало тени. Линк моргнул, сбрасывая усталость, — коридор был пуст. Только пылинки, споры дикого XNA, серебристые, почти невесомые, кружились в лучах биолюминесцентного освещения.

— Ты это видел? — спросил он.

— Видел, — отозвался Скриб. — Теплового следа нет. Электромагнитного тоже. Либо это глюк в моей матрице, либо... кое-кто умеет ходить так, что даже Veritas слепнет.

— Или кто-то, кого не должно быть.

— Записал. «Таинственный незнакомец в тени». Будем следить.

Линк тряхнул головой, отгоняя наваждение. Просто усталость. Просто бессонная ночь.

Имплант под кожей на левом предплечье снова ожил — слабо, на грани ощутимого. Линк прижал пальцы к запястью, и вибрация затихла.

«Это не болезнь», — сказал он про себя, спускаясь в лифте. Стены кабины были выращены из Архитектума — идеально гладкие, живые, дышащие в такт дыханию Линка. За этой красотой пряталась плесень Нижних уровней.

Он был прав насчёт министра. Но тогда он ещё не знал, что образец, который он спрятал в карман, — сорное семя, что прорастёт оно в нём самом. И насколько глубоко...

ГЛАВА 2. Ночник

Ночник погас в три двадцать семь ночи. Линк заметил это не сразу — слишком глубоко ушёл в спектрограмму на экране. Когда он наконец оторвался, в углу стола стоял труп. Пластиковый стаканчик, кривой стебель, усеянный шипами, острыми, как осколки стекла, и чахлый шарик на верхушке. Ещё час назад он сочился болезненным жёлтым светом. Теперь — чернота, вакуум, ни намёка на жизнь.

Линк плеснул в стаканчик остатки воды из кружки. Субстрат на дне жадно чавкнул — звук мокрой раны. Ночник дёрнулся, выплюнул одну жалкую вспышку и погас окончательно. Линк отставил стаканчик и вернулся к экрану.

Квартира на уровне 147 была маленькой — три комнаты, узкий коридор, кухня, в которой помещался только один человек, если он не раскидывал руки. Стены покрывали живые панели. Когда-то они дышали ровным золотистым светом. Теперь мерцали больным жёлтым, и от них тянуло сладковатой гнилью субстрата. Сорное семя, пережившее свой срок на два месяца и отказавшееся умирать. Как и всё в этой квартире. Как и сам Линк.

Монитор, стоявший на столе, был старым, «мёртвым» — собранным из деталей без выхода в сеть. Единственное, что тот умел, — проигрывать аудиоархивы. Сейчас на экране вибрировала спектрограмма. Три коротких. Три длинных. Три коротких.

Линк закрыл глаза, слушая.

Ритм был странным. Почти живым. Каждый цикл — чуть другим. Чуть быстрее. Чуть медленнее. Как будто кто-то дышал в такт, пытался сказать нечто большее, чем просто «помогите».

— Этот ритм... — голос Скриба стал тише. — Я сравнил с архивами. Совпадение. Запись Рейеса. Проект «Хирон».

— Рейес? Профессор, который «исчез» пять лет назад?

— Тот самый. Его стёрли из всех официальных баз Veritas. Есть слухи, что он «сошёл с ума». В зависимости от того, кому верить. Попробую достать не совсем законный ордер, чтобы открыть доступ к базам данных психиатрических клиник.

Линк открыл глаза.

И вдруг на периферии зрения что-то изменилось.

Он медленно повернул голову.

Ночник горел.

Ровным, золотистым светом. Без мигания, без предсмертных конвульсий. Просто горел.

— Это разве не сорное семя? — озадаченно сказал Скриб. — Частота пульсации совпадает с сигналом из терминала. Тот же ритм. Я такого раньше не видел.

— Нет, когда я его брал, это было дешёвое семя, оригинал в семь раз дороже, — подумал Линк. — И у оригинала нет таких шипов.

Линк замер. Мерцание на экране и свечение ночника совпали. Не просто синхронно — они дышали одним ритмом, как два лёгких в одной груди. Линк медленно, как во сне, протянул руку к стаканчику. Пальцы коснулись холодного пластика. Ночник вспыхнул. Ярко. Ослепительно. Так, как не горел никогда за три года. Линк отдёрнул руку — ночник погас. Поднёс снова — загорелся. Приёмником был не цветок. Приёмником был он сам.

Шип вонзился в палец — Линк даже не заметил, когда. Тонкая струйка крови побежала по ладони, закапала на стол. Ночник вспыхнул ещё ярче, впитывая красные капли в свой субстрат, и свет его стал багровым — на секунду, не дольше.

Линк убрал руку и посмотрел на левое предплечье, туда, где под кожей находился имплант. Сейчас он был тих. Но Линк уже не мог списать это на нервы.

— Что ты такое? — спросил он у ночника.

Ночник не ответил. Он просто горел — ровным, золотистым светом — пока рука Линка лежала на стаканчике. Длилось это не дольше трёх секунд. Потом запись на экране кончилась, динамик умолк, ночник жалобно мигнул в последний раз и погас.

Линк посмотрел на пол — кровь уже заливала его, — перевёл взгляд на окно.

— Запускаю процесс регенерации, — сказал Скриб. — Знаю, ты не любишь, когда я это делаю без спроса. Но протоколы есть протоколы.

В тёмном стекле, наложившись на отражение его убогой комнаты, проступило другое помещение. Белые стены. Свет без теней, без мерцания, без признаков живого ХНА. Стерильный. Мёртвый в своей правильности. И в этом свете — лицо. Его собственное. Но не его. Волосы длиннее. Шрам на правой скуле вместо левой брови. Глаза моложе, наивнее — глаза человека, который ещё не находил мать с перерезанным горлом. Глаза, которые смотрели на Линка с жалостью. Или с предупреждением. Другой Линк медленно поднёс палец к губам. Его губы беззвучно шевельнулись: «Тсс».

— Линк... — голос Скриба дрогнул. — Твои зрачки расширены. Частота пульса — сто двадцать. Это не галлюцинация. Я тоже это вижу. Экран зафиксировал аномалию.

— Что это?

— Не знаю. Но я сохранил снимки.

Наваждение исчезло так же быстро, как появилось. Линк моргнул — в окне было только его усталое лицо и ночной Мегаполис за спиной.

Экран мигнул сам по себе. Без подключения к сети. На чёрном фоне появилась точка. Маленькая, вибрирующая. В том же ритме. Три коротких. Три длинных. Три коротких.

Точка мерцала три цикла, потом исчезла. На её месте проявилась строка:

«Тунгуска. 60° 54' 07" с. ш., 101° 55' 40" в. д. Жди сигнала».

Экран мигнул ещё раз, и в углу, микроскопическим шрифтом, проявилась строка: *«Они слушают. Не через Veritas. Через тебя».*

— Скриб, запись. Дата, время, координаты Тунгуски. И добавь: «Проверить, кто ещё получал этот сигнал».

— Записал. Хочешь, я пробью по своим каналам?

— У тебя есть каналы?

— Я — ИИ. У меня всегда есть каналы. Шучу. Но поискать могу.

Линк перевёл взгляд на потухший ночник. Потом снова на экран. Он не знал, что такое Тунгуска. Не помнил из школьных учебников — там говорили о метеорите, о взрыве, о чём-то, что случилось, скорее всего, больше ста лет назад. Но координаты были реальными.

— Кто ты? — спросил он. Голос был хриплым, чужим, словно принадлежал не ему, а тому, другому, из стекла.

Экран погас. В комнате остался только запах гниющего субстрата, капли крови на столе и мёртвый ночник, который на секунду был живее всех живых.

Линк сидел неподвижно, потом открыл ящик стола. Под старыми папками с делами лежала кожаная папка с выцветшей надписью: «Личное. Не читать». Он достал её, положил на стол.

Открыл.

Верхняя фотография. Женщина в лабораторном халате. Тёмные волосы собраны в небрежный пучок. На лице — улыбка, но не та, которой улыбаются для камеры. Настоящая. Тёплая. Глаза — такие же, как у Линка, когда он смотрит в зеркало.

— Это она? — голос Скриба стал почти человеческим. — Та, кого ты ищешь?

— Да.

— Твоё сердце бьётся на сто сорок ударов. Ладони вспотели. Ты дрожишь. Хочешь, я запишу, а ты просто... посмотришь на неё?

— Нет. Я должен сам. Иначе какой из меня свидетель?

— Хорошо. Но я рядом.

Линк перевернул фотографию. На обороте — два почерка. Первый — её рукой, аккуратный, лабораторный: «Первый успешный образец. Частота 2,7 кГц». Второй — не похоже, другой. Торопливый, живой, с наклоном вправо, словно писал украдкой: «Частота моего сердца — когда я вижу тебя».

Повисла пауза. Скриб молчал дольше обычного.

— Я не понимаю, — наконец сказал он. — Это метафора? Частота сердечных сокращений не может быть постоянной величиной. Это физиологически невозможно.

— Это любовь, Скриб. Она не подчиняется физиологии.

— Записал. «Любовь. Не подчиняется». Буду анализировать.

— Это почерк Рейеса, — сказал Скриб. — Я сверил с архивными документами, которые ты просматривал ранее. Он работал с твоей матерью. Они вместе создавали этот код. И, похоже, не только код...

Линк отложил фотографию и взял документ в пластиковой папке, который обнаружил в кабинете Маркуса Торна. Распечатка была старой — бумага ломкая, края осыпаются. Но текст был разборчивым.

«Субъект 89. Елена Кей. 34 года. Должность: ведущий инженер квантовых интерфейсов, проект „Хирон“. Причина замены: отказ сотрудничать с внутренним расследованием по факту несанкционированной передачи данных третьим лицам. Статус: стазис-капсула №89, уровень 189. Оригинал жив. Клон активирован».

Линк закрыл глаза. Пентхаус. Тело Торна. Адъютант с кукольным лицом. Фигура в сером в конце коридора. И этот документ — на самом виду, в пластиковой папке, слишком свежей для остальных бумаг министра.

— Скриб. Кто назначил меня на это дело?

— Генерал Волков. Личный приказ. Время: 5:52 утра. Через две минуты после обнаружения тела.

— Слишком быстро. Слишком... точно.

— Ты думаешь, тебя выбрали не случайно?

— Я думаю, меня выбрали, потому что знали: я не остановлюсь, пока не найду её. Кто-то хочет, чтобы я нашёл мать. Или привёл их к ней.

— Она жива, — прошептал Скриб. — Чёрт возьми, Линк. Она жива. Я уже проложил маршрут до уровня 189. Но будь осторожен: этот документ — доказательство. Если Veritas узнает, что ты его нашёл...

— Я знаю. Но от моей осторожности теперь ничего не зависит. Я просто кукла, которой управляет какой-то кукловод.

— Нет, — отрезал Скриб. — Кукла не задаёт вопросов. Кукла не царапает образцы с запястий мёртвых министров. Кукла не замечает фигур в сером там, где их нет. Ты — плохая кукла, Линк. Бракованная. И именно поэтому ты всё ещё жив.

Линк усмехнулся — ему почему-то нравилось, как Скриб его подбадривал.

— Тогда пусть кукловод понервничает.

— Тогда записал. И спрятал копию в зашифрованном секторе. На всякий случай. Даже кукловод там не найдёт, кем бы он ни был.

Линк сжал бумагу в пальцах. Края помялись, но он не обратил внимания.

— Я найду тебя, — сказал он в пустоту. — Обещаю.

Имплант на левом предплечье вибрировал — в такт его сердцу, в такт обещанию.

Из кармана зажуужал коммуникатор. Линк взглянул на экран — сообщение от Свена: «Я передал твой образец Сайферу, как мы договаривались. Он определил его как червя. Созреет через неделю. Нужно встретиться, и нужен Сайфер. Постараюсь договориться. Надеюсь, получится встретиться с ним в полночь. Будь осторожен, это очень опасно».

Линк посмотрел на кристалл в руке. На фотографию матери. На документ, который подтверждал, что она всё ещё существует.

— Скриб, отправь Свену: «Пусть приедет ко мне, я жду».

— Отправлено, — ответил Скриб. — А ещё я добавил: «И купи мне новых процессоров».

— Молодец, — по привычке Линк поблагодарил Скриба, свернул планшет и сунул в карман.

— Коммуникатор? — в голосе Скриба прорезалось что-то похожее на ревность. — Зачем тебе этот «древний свиток»? Я — твоя память, твои глаза, твои уши. Я могу оповещать о сообщениях. Я могу даже отвечать за тебя, если хочешь.

— Это привычка, Скриб. От неё сложно избавиться.

— Привычка, которую отслеживает Veritas. Коммуникатор — устройство, выращенное из стандартного семени. Оно подключено к сети. Оно слушает.

Линк снова достал его из кармана. Развернул в вид планшета, потряс в руке, словно оценивая вес гаджета. Медленно положил его на стол экраном вниз.

— Ты лучше. Признаю.

— Записал. «Линк Кей признал превосходство ИИ Скриб». Исторический момент.

Он встал, подошёл к окну. Город внизу сиял миллионами огней — равнодушных, как всегда. Где-то там, на уровне 189, в стазис-капсуле спала его мать. Где-то там, в старом порту, Свен вылетал с данными к Линку, которые могли стоить им обоим жизни. Где-то за горизонтом дрожал сигнал, который слышал только он один.

Три коротких. Три длинных. Три коротких.

SOS.

Имплант под кожей левого предплечья ответил тем же ритмом. Линк не заметил. Его тело стало антенной — и оно слушало за него.

ГЛАВА 3. Код матери

После ухода Свена Линк не медлил. Сообщение о черве не оставляло места для отдыха. Соскоб, взятый с запястья Торна, ещё до рассвета ушёл бы в лабораторию бюро, но ждать официальных результатов — три дня минимум. Эмилия Росс могла управиться быстрее, и плевать она хотела на протоколы Veritas. Они договорились заранее. Линк вызвал её сразу после звонка Волкова, как только понял, что смерть министра — не болезнь.

Теперь он вошёл в подземную парковку в 9:15. Воздух здесь был мёртвым — густым, спёртым, пропитанным дыханием инверторов, которые давно пора было утилизировать. Живые панели на стенах сдохли годы назад. Их серая, потрескавшаяся кожа свисала с потолка лохмотьями, и в тишине было слышно, как XNA-термиты доедают остатки субстрата — тихое, непрерывное шуршание, похожее на шёпот.

Здесь не было камер. Veritas сюда не смотрела. Слепое пятно в идеальном теле Мегополиса. Аварийные лампы мигали через раз.

Доктор Эмилия Росс ждала у служебного входа, кутаясь в старый свитер с чужого плеча — рукава были длинные, она то и дело одёргивала их. На запястье мерцал дешёвый био-браслет — сорное семя, которое должно было сдохнуть ещё вчера. Индикаторы мигали хаотично, в агонии. Она нервно тёрла его большим пальцем, будто это могло продлить ему жизнь. Или ей.

Под глазами — тени. Такие не появляются от одной бессонной ночи. Такие накапливаются годами страха.

— Вы один? — спросила она, оглядываясь.

— Всегда.

Она пропустила его вперёд, сама шла сзади, почти бежала. В затхлом воздухе пахло бетонной пылью, машинным маслом и чем-то ещё — сладковатым, приторным, запахом умирающего XNA.

— Я рискнула всем, — сказала она, когда они вошли в старый списанный блок. — Если бы меня застукали...

— Не застукали.

Линк проверил маршрут трижды. Камеры наблюдения в этом секторе были отключены уже шесть лет. Никто не смотрел вниз. Никто не хотел смотреть.

Они спустились по лестнице. С каждым шагом запах усиливался — становился гуще, слаще, почти винным. Запах гниющего субстрата, который Линк знал с детства, с Нижних уровней. Запах смерти, которую Veritas даже не замечает. Росс открыла дверь в бывшую кладовку. Внутри стоял старый микроскоп и планшет, подключённый к нему через механический переходник — «мёртвый», без выхода в сеть.

— Смотри, — сказала она, разворачивая голографический экран.

Голограмма развернулась в воздухе — клеточная ткань, увеличенная в тысячи раз. Среди здоровых, округлых, живых клеток прятались чужаки. Крошечные, почти незаметные, если не знать, куда смотреть. Геометрически безупречные кластеры. Собранные. Сконструированные. Каждый — идеальный многогранник, слишком правильный, чтобы родиться в хаосе биологии. Они не принадлежали этому телу. Они его оккупировали.

И они вибрировали.

Линк узнал ритм раньше, чем осознал это.

— Нанокластеры, — сказала Росс.

— Органическая оболочка, саморепликация, небиологическое ядро, — перечислил Скриб. — Это не вирус. Это... архитектура. Кто-то построил этих тварей с нуля. Я сравниваю с базами. Совпадений нет. Записал как «Образец №1. Происхождение неизвестно».

Пауза.

— Линк. Если эти штуки умеют перестраивать белки в живом организме... теоретически они могут перестраивать что угодно. Не только убивать. Создавать. Модифицировать. Управлять.

— Как XNA.

— Как очень, очень старое XNA. То, с чего всё начиналось.

— Они модифицируют белки, — продолжила Росс. — Перестраивают их структуру. Заставляют клетки производить прионы — те самые, которые лаборатория приняла за болезнь Куру.

— Это не случайное заражение.

— Это целенаправленное производство. Министр Торн сам себя убил. Своими собственными клетками.

— Только клетки выполняли не его приказы.

Линк смотрел на вибрирующие структуры. Узор казался смутно знакомым. Фрактальные завихрения, уходящие в глубину, ветвящиеся, самоподобные.

На голограмме дрожала идеальная геометрия. А в воздухе стоял запах гниения. Порядок и распад. В одном помещении.

— Доктор Росс, вы когда-нибудь видели такие структуры раньше?

Она замялась. Слишком долго.

— В старых архивах. Когда писала диссертацию по наномедицине. Проект «Хирон» корпорации Falcon Alsis. Теоретические разработки по вживлению управляемых наноструктур в живой организм.

— А сами узоры?

Росс посмотрела на него с удивлением.

— Профессор Рейес передал мне копию данных, — сказала она. — Сказал, что это может пригодиться.

— Рейес? — Линк напрягся.

— Да. Он был моим куратором в проекте «Хирон». А потом... исчез.

— Или его заменили, — мысленно добавил Скриб. — Как и многих.

Росс отвела взгляд. Потом, словно собравшись с силами, сказала:

— Это странно.

— Да, я наводил справки, и исчезновение Рейеса выглядит довольно странно, — подтвердил Линк.

— Нет, я не про Рейеса. Хотя это тоже странно. Я про адъютанта. Он задавал странные вопросы — буду ли я разговаривать с вами. — Росс поёжилась. — Такое впечатление, что все...

Она не договорила. Планшет-свиток Линка завибрировал, прервав её на полуслове. Тот самый, «мёртвый», без выхода в сеть. На его краю замигал индикатор входящего сообщения, чего не могло быть в принципе.

Линк развернул экран.

Текст был коротким. Без подписи. Но стиль — дерзкий, рваный, с узнаваемым шифрованным маркером в углу — Линк знал. «Лисёнок». Старый код, который они придумали ещё до её внедрения к Рейесу. Ари. Он не видел её больше года, но этот маркер не спутал бы ни с чем.

«Кей. Не дёргайся. Росс чиста, но её канал прослушивают, рано или поздно за ней придут. Поэтому говорю с тобой так. Ученик Рейеса передал: код твоей матери жив. Не ищи его в архивах — ищи в себе. И не вздумай умереть раньше, чем я тебя найду. У меня для тебя есть кое-что важное. Л.»

— Линк, я проанализировал сигнатуру. Это точно она, но... — озадаченно произнес Скриб. — Маршрут сообщения странный. Как будто оно шло не через сеть, а через какой-то квантовый туннель. Откуда она его отправила?

Сообщение исчезло, не оставив следа. Самоуничтожилось.

— Линк, твой пульс подскочил до ста шестидесяти, — тихо сказал Скриб. — Дыши.

Линк не дышал. Он смотрел на погасший экран, но видел не его — видел фотографию матери, надпись на обороте, частоту 2,7 кГц. Код. Не просто ласковые слова. Код.

— Что это было? — спросила Росс дрогнувшим голосом.

— Мой осведомитель, — ответил Линк. Голос его был чужим, ледяным. — Говорит, ты чиста, но за тобой могут прийти.

Росс побледнела.

— Когда?

Линк не ответил. Он смотрел на свои руки. На левое предплечье, где под кожей вибрировал имплант.

Линк ещё раз всмотрелся в голограмму. Нанокластеры вибрировали в такт его дыханию — или это его дыхание подстроилось под них? Узоры на поверхности многогранников ветвились, уходили в себя, повторялись в бесконечной рекурсии. Фракталы.

— Скриб. Где я видел эти узоры?

— Анализирую... Совпадение найдено. Ночник. Когда он вспыхнул от твоей крови, на его лепестках проступил тот же рисунок. Я тогда списал на помехи. Теперь... не уверен.

— Ночник — сорное семя. Эти кластеры — убийцы министра. Что между ними общего?

— Ты, — сказал Скриб. — Общее — ты.

— Вы знаете, что это? — спросила Росс.

— Не знаю. Но профессор Рейес знал. Или думал, что знает.

Он отключил голограмму.

— Спасибо, доктор. Дальше я сам.

Она сунула планшет под свитер, попятилась к выходу.

— Будьте осторожны. Тот, кто это сделал, не просто убил министра. Он продемонстрировал технологию. Если это оружие поставят на конвейер...

— Я докажу.

Росс остановилась в дверях.

— Они уже знают, что вы копаете. Иначе не сожгли бы тело так быстро. Иначе не прислали бы этого адъютанта с лицом, как у ребёнка, на котором нет ни одной морщины.

Она исчезла в темноте коридора, но через несколько секунд её шаги стихли. Линк уже повернулся к голограмме, когда услышал её голос — тихий, почти шёпот, эхом от стен:

— Следователь Кей. Если со мной что-то случится... В моём био-браслете, под крышкой, запись. Пароль — «Хирон». На всякий случай.

Шаги возобновились. На этот раз — быстрее. Почти бег.

Линк смотрел ей вслед, пока шаги не стихли. Потом достал коммуникатор, но вспомнил совет Скриба и убрал обратно.

Сайфер. Червь. Лисёнок.

Он вышел в коридор. Его ждала тишина и странное ощущение. Как будто он всё это прожил, и не один раз. Как будто он смотрел в темноту, где ещё играли тени. И тени, которые, казалось, смотрели в ответ.

ГЛАВА 4. Конструкт

Линк постоял несколько секунд, глядя в темноту коридора, где исчезла Росс.

— Скриб. Запись.

— Готов.

— Нанокластеры. Технология Falcon AIsis. Проект «Хирон». Куратор — профессор Рейес. Министр Торн пытался заблокировать финансирование. Его убрали. Не просто убили — казнили, используя его собственное тело как оружие. Демонстрация.

Пауза. Линк провёл рукой по левому предплечью — имплант молчал, но кожа под ним зудела.

— Среди авторов проекта была женщина. Елена Кей. Моя мать. Исчезла. Заменена клоном. Или не заменена — документ может быть фальшивкой. Но код, который она оставила... он существует.

— Записал, — голос Скриба был тихим. — Добавил в приоритетный список. Пункт первый: «Найти Елену Кей». Пункт второй: «Выжить, чтобы это сделать».

Линк шёл неторопливо, обдумывая следующие действия. Коридор подземной парковки казался бесконечным. Тусклые аварийные лампы мигали в своём рваном ритме, и в этом ритме Линку чудилась закономерность — не хаотичный сбой, а код, передаваемый светом. Он одёрнул себя. Слишком много погружений в чужие тайны. Слишком много сигналов, которые на самом деле могли быть просто помехами.

Или не могли.

Странное чувство накатывало волнами — весь этот мир, Мегapolis, Veritas, даже воздух, которым он дышал, ощущались как декорация. Слишком правильная архитектура упадка. Слишком вовремя появляющиеся свидетели. Слишком точные слова, которые он находил в чужих документах. Как будто кто-то написал сценарий и теперь наблюдал, как Линк Кей, словно актёр, движется по проложенным рельсам.

В конце коридора, у выхода на лестницу, его ждали. Адьютант — всё тот же, с лицом, забывшим, что такое старение. За его спиной замерли двое в сером. Не люди. Линк понял это раньше, чем Скриб успел провести анализ. Они стояли слишком неподвижно. Люди так не стоят — люди переминаются с ноги на ногу, моргают, дышат. Эти — нет. Идеально гладкие лица. Пустые глаза, в которых не отражался свет аварийных ламп. Агенты. XNA-конструкты. Редкие модели — их выращивали для особых поручений. Говорили, они могут выломать дверь голыми руками и не почувствовать отдачи.

Воздух вокруг них казался мёртвым — не холодным, а лишённым движения, словно они не дышали не только в переносном, но и в самом буквальном смысле.

— Господин следователь, — голос ровный, без интонаций. — Генерал Волков просит вас зайти. Сегодня. Вопрос не терпит отлагательств.

— Сканирую, — быстро сказал Скриб. — Адьютант — тепловой след есть. Биополе есть, но странное, словно скопированное с шаблона. Это не человек, Линк, но и не стандартный конструкт. Высокоуровневый клон. Новый тип. А вот те двое за его спиной — совсем другой профиль. Теплового следа нет. Биополе отсутствует. XNA-конструкты, без сомнений. Клоны умеют говорить и вести переговоры, конструкты — только выполнять приказы. Этот адъютант явно главный.

Линк замедлил шаг, но не остановился.

— Что ему нужно?

— Анализирую приказ... Не уверен. Формат нестандартный. Волков так не пишет. Или подделали, или это не от Волкова. Клон может действовать не от имени генерала. От кого-то другого. Кстати, есть ещё одна странность. Судя по времени, эти трое появились здесь сразу

после ухода Росс. Если бы они шли за тобой, им проще было перехватить тебя на входе. А они встали у выхода. Как будто ждали кого-то, кто должен был выйти. Может, не тебя. Может, Росс. «Лисёнок» ведь предупреждала, что канал Росс скоро прослушают. Возможно, они пришли за ней, но просто опоздали. А теперь переключились на тебя.

— Если так, то Росс ушла вовремя, — подумал Линк. — Значит, «Лисёнок» не врала.

— Источник приказа экранирован. Не могу определить, — добавил Скриб.

Линк остановился в трёх метрах. Ровно на таком расстоянии, чтобы адъютант не мог коснуться его, не сделав шаг вперёд.

— Передайте генералу, что я буду после обеда. У меня дела.

— Генерал настаивает.

Адъютант сделал шаг. Линк не двинулся.

— А я настаиваю на независимой экспертизе тела министра Торна. Ах да, тут недоразумение, его кремировали раньше времени. Если генерал хочет меня отстранить — он сделает это лично. Не через посредников. И уж точно не через... это.

Он кивнул на агентов за спиной адъютанта. Те не шелохнулись.

Линк пошёл вперёд. Прямо на адъютанта. Тот не отступил — но и не блокировал проход. В последний момент Линк обогнул его, почти коснувшись плечом. Плечо адъютанта было неестественно твёрдым, но температуры окружающей среды — ни тепла, ни холода. Имплант на левом предплечье ожил — сильнее, чем в пентхаусе Торна. Не острой болью — глубокой, вибрирующей, как будто кто-то дёргал за нить, вшитую под кожу. Частота 2,7 кГц. Та самая.

Адъютант медленно повернул голову. Его пустые глаза нашли левое предплечье Линка. Задержались.

— Он сканирует тебя, — голос Скриба стал жёстким. — Не просто смотрит. Записывает биометрию. Пульс, температуру, частоту импланта. Он узнал сигнал, Линк. Он знает, что ты — не просто следователь.

— Что я тогда?

— Не знаю. Но он — знает.

Линк ускорил шаг. Имплант вибрировал в такт сердцу. Или сердце — в такт импланту. Он уже не различал.

Линк вышел на улицу. Серое утреннее небо давило на глаза. Он не оглядывался — знал, что адъютант и агенты всё ещё смотрят ему в спину.

— Скриб. Сообщение Свену. Срочно.

— Готов.

— «Встреча отменяется. За мной хвост. Не выходи на связь по открытым каналам. Завтра, полночь, Док 13. Глушилки и глубокое сканирование. И про Сайфера — потом. Линк».

— Отправлено. Добавил: «Не покупай процессоры, это была шутка. Или купи. Я запутался».

Линк не улыбнулся, но уголок губ дрогнул. Скриб умел находить нужные слова даже здесь, в сердце вражеской территории.

Он смотрел на серое небо. Облака над Мегполисом никогда не были просто облаками — ХНА-пыль, выброшенная из вентиляции верхних уровней, смешивалась с влагой и создавала странные, рваные узоры. Но сегодня узор был другим. Слишком правильным. Фрактальные завихрения, уходящие в бесконечность. Тот же рисунок, что на нанокластерах. Тот же, что на лепестках Ночника. Теперь он видел его повсюду — в мигании аварийных ламп, в ржавых разводах на стенах, в самом ритме города, который гудел где-то внизу, на Нижних уровнях.

В голове вибрировал ритм.

Это не галлюцинация. Это сигнал. И он шёл не только от нанокластеров. Он шёл отовсюду. От облаков. От мёртвых панелей в подземной парковке. От импланта под кожей.

От него самого.

Мир вокруг на мгновение словно завис, как голограмма, в которой обнаружили пиксель. Линк смотрел на фракталы в небе, и ему казалось, что если он сейчас моргнёт — то увидит за этой серой пеленой что-то другое. Настоящее. Или наоборот, какой-нибудь слой симуляции, словно стеклянная матрёшка в другой матрёшке — в другой симуляции. Кто сконструировал этот мир? Veritas? Рейес? Архитекторы, о которых он даже не слышал? Или весь мир — это порождение его собственного разума?

ГЛАВА 5. «Слой 1»

Спуск на 280-й уровень занял двадцать минут. Лифты умерли здесь давно — их шахты зияли чёрными провалами, затянутыми серебристой паутиной XNA-пауков.

— Осторожно! Внизу пролёта паутина, — предупредил Скриб. — Она как стальная нить, одно неловкое движение — и рассечёт плоть до кости.

— Перейди в режим подсветки опасности, — ответил Линк.

Только мёртвые лестницы — эскалаторы, давно превратившиеся в ржавые скелеты, приросшие к стенам дикими XNA-одуванчиками, которые стонали под каждым шагом. Перил не было — лишь холодный, влажный и немного поеденный агрессивной плесенью бетон под пальцами.

С каждым ярусом воздух густел. К запаху ржавчины и сырости примешивался сладковатый дух гниющего субстрата — вездесущий на Нижних уровнях. Свет аварийных ламп мигал в агонии, и в промежутках темноты Линк видел, как по стенам вибрируют серебристые нити — дикий XNA, живущий своей жизнью. Они тянулись к теплу. К движению. К нему. Нити оплетали трубы, свисали с потолка, и каждая дрожала в такт шагам Линка. Нет — не в такт шагам. В такт его сердцу.

Имплант на левом предплечье отозвался. Не болью — узнаванием. Как будто две части одного целого, разделённые годами, наконец почувствовали друг друга.

Линк прижал пальцы к запястью. Вибрация затихла, но ненадолго — через несколько секунд возобновилась, слабая, настойчивая.

— Оно тебя чувствует, — сказал Скриб. — Дикий XNA. Оно тебя... знает.

— Откуда?

— Хороший вопрос. Плохой ответ.

Он остановился перевести дыхание. Внизу гудел ночной базар. Торговцы сорными семенами начинали работу в это время — пока охрана верхних уровней отсыпалась.

— Скриб, проверь сообщение от Свена.

— Пришло сорок минут назад, но висело в буфере, — отозвался Скриб. — Свен использовал многослойное шифрование, а я проверял пакет на наличие «жучков». Только сейчас расшифровал. Вот: «Гнилые соты. Сектор 47-бис. Спросишь у Сайфера. Скажешь: „Лисёнок ищет корень“. Тебя проводят, раз уж тебе так неймётся обзавестись личным глушителем. Будь осторожен, это очень опасно».

«Лисёнок ищет корень». Старый пароль, который они придумали вместе с Ари ещё до её внедрения к Рейесу. Линк не удивился — только хмыкнул про себя: «Значит, Свен уже говорил с ней. Или с теми, кто работает от её имени».

«Личный глушитель». Выходит, Свен уже договорился о вживлении сорной XNA-глушилки — той самой, что создаёт помехи для слежки Veritas. Пока Линк на службе, это риск, но если включать её только когда нужно... Что ж, Свен прав: без неё на Нижние уровни лучше не соваться.

Линк двинулся дальше.

Квартал назывался «Гнилые соты». Когда-то здесь был жилой массив для рабочих, но XNA-панели, выращенные из дешёвых сорных семян, мутировали. XNA-шмели быстро облюбовали эти места, стены стали пористыми, как пчелиные соты, изъеденными тысячами отверстий. Из каждого сочилась липкая, янтарная жидкость — субстрат вперемешку с одуванчиковым мёдом, переработанный термитами в питательную слизь. Она капала на пол, собиралась в лужицы, и в тишине было слышно это бесконечное кап-кап-кап — сердцебиение мёртвого квартала.

В отверстиях что-то шевелилось. Мелкое, многоногое. Жители Сот научились не обращать внимания. Линк — нет.

Мёртвый дом стоял в конце тупика. Трёхэтажный, заброшенный уже несколько лет. Стены стали серыми, пористыми, как старая пемза, — XNA-субстрат высох, и теперь его доедали термиты. Двери не было — только чёрный проём, из которого тянуло душным воздухом и сладковатым запахом гниения.

Линк включил фонарь на запястье. Луч выхватил из темноты облупившиеся стены, осыпающийся потолок и бледные светящиеся поганки, растущие из трещин. Их споры падали вниз, медленно кружась в свете фонаря, — белый, беззвучный снег в мёртвом доме.

Он шагнул внутрь.

— Дикий XNA, — предупредил Скриб. — Уровень активности выше среднего. Если он нападёт, у тебя есть три секунды, чтобы выстрелить. Я буду отсчитывать.

Линк пригнулся, стараясь не дышать глубоко. Тишина. Только шорох — то ли XNA-термитов, то ли червей где-то под полом.

Шорох усилился. Не термиты. Ближе. Быстрее.

Из темноты вылетело нечто. Маленькое, юркое, с блестящим металлическим корпусом, покрытым серебристой рябью, — дикий XNA оплёл его, как паразит. Бытовой дрон. Мутировавший. Охотящийся.

— Целься в корпус! Ниже сенсоров! — голос Скриба был быстрым, как выстрел.

Линк выхватил тазер. Дрон был в двух метрах. В метре. Он видел его оптические сенсоры — четыре красных точки, горящих голодом. Выстрел. Иглы впились в корпус, разряд прошёл сквозь серебристую рябь. Дрон заверещал — звук, похожий на крик раненого животного, — дёрнулся в воздухе и рухнул на пол, дымясь и искря.

Тишина. Только шорох термитов и стук сердца в ушах.

— Ай да молодец, — голос Скриба был спокойным, но Линк уловил нотку облегчения. — Видеонарезка лучших моментов только что пополнилась эпическим выстрелом. «Линк Кей: хроники выживания в дерьме» продолжается, смотри во всех кинотеатрах Мегполиса-Один! А пока — твой пульс сто сорок. Хочешь, сыграю туш?

— Хороший выстрел, — сказал голос из темноты.

В углу, в нише, сидел человек. Тощий, обмотанный грязными тряпками, с лицом, скрытым капюшоном из дешёвой экранирующей ткани.

— Ты Сайфер? — Линк направил фонарь на фигуру в углу. — «Лисёнок ищет корень». Тишина. Потом — сухой смешок.

— А ты похож на того, кто ищет Лисёнка. Или на того, кто сам потерялся.

— Ты знаешь, кто спрашивал про министра Торна перед его смертью?

Сайфер усмехнулся. Зубы были жёлтыми, редкими.

— Ты слишком прямой, чистый. Так здесь не работают. Сначала — уважение. Потом — плата. Потом — может быть, ответ.

— Я плачу. Хорошо.

— Семенами? Какими? Стандарт?

— Архитектум.

Сайфер замер. Рука, тянувшаяся к капюшону, дрогнула. Он медленно откинул ткань, открывая лицо, изуродованное старыми ожогами, — следы распада XNA-имплантов, которые он когда-то пытался вырезать сам. Один глаз мутный, мёртвый. Второй — живой, цепкий, голодный. Ткань скрывала его шрамы не только от сканеров Veritas, но и от чужих глаз.

— Архитектум, — повторил он, пробуя слово на вкус. — Откуда у чистого Архитектум? Украл? Убил? Или... тебе дали?

— Не твоё дело.

— Всё, что на Нижних уровнях, — моё дело, чистый. Но Архитектум... за Архитектум я отвечу.

Линк достал три золотистых зерна.

— Дорого, — заметил Скриб. — Но нужная информация дороже.

— Имя, — сказал Линк. — Того, кто искал информацию о Торне.

Сайфер замялся, понизил голос.

— Тот, кто искал... Назвался «учеником профессора Рейеса». Сказал, Рейес передаёт привет «следователю, который слишком много знает». И ещё... сказал, что вы встретитесь. Скоро.

— Где?

— Уровень 201. «Лаборатория №7». Falcon AIsis. Старая, заброшенная. Он сказал, ты знаешь, где это. И пароль... — Сайфер нахмурился, вспоминая. — Пароль — «твой ритм». Что бы это ни значило.

— Ритм, — мысленно повторил Скриб. — Три коротких, три длинных, три коротких. SOS. Он хочет, чтобы ты пришёл и... что? Прослушал? Показал? Исполнил?

— Узнаю, когда приду.

Сайфер замолчал, будто пытался вспомнить что-то ещё, потом резко произнёс:

— Это всё. Остальное — переданное Свеном семя, червь. Узнаешь позже, его пришлось прорастить.

Линк положил три зерна на пол. Сайфер собрал их дрожащими пальцами.

— Иди. Через чёрный ход. И не ходи сюда чистый, не хватало мне ещё здесь облавы от Veritas.

Линк повернулся к выходу. На пороге остановился. На стене, где коридор расширился, была надпись. Аккуратная, выведенная твёрдым инструментом, не дрожащей рукой наркомана или бродяги. Буквы ровные, почти архитектурные: «Слой 1».

— Слой 1? — голос Скриба стал сосредоточенным. — Я проанализировал. Это не граффити. Материал стены — обычный бетон, но надпись вырезана инструментом, которого нет в моей базе. Твёрдость выше алмазной. Точность — микронная. Это не человек резал, Линк. Это что-то другое.

— Что?

— Не знаю. Но я записал координаты и сделал спектральный анализ. Может, пригодится.

— Слой 1, — повторил Линк. — Если есть первый, есть и второй. Что на втором?

Он обернулся к Сайферу:

— Что это значит?

Сайфер пожал плечами.

— Кто-то оставляет. Может, предупреждение. Может, намёк. Я не знаю.

— Ты слышал что-нибудь о повторях? — спросил Линк. — Одинаковые люди в разных кварталах.

— Клоны, — мысленно сказал Скриб. — Veritas заменяет людей. Массово.

— Видел, — ответил Сайфер. — Много. И не только я.

Вдруг снова послышался шорох.

— Это место постепенно переваривается диким XNA, — как будто оправдываясь, произнёс Сайфер.

Линк кивнул и направился к выходу. У порога остановился.

— Сайфер, — сказал он, не оборачиваясь. — Береги себя.

И шагнул в коридор.

Стены были мёртвыми — серая труха осыпалась под ногами. Линк сделал несколько беззвучных шагов, тихо, как по песку.

— Стой! — резко произнёс Скриб. — Ты слышишь?

Линк замер. Из темноты за спиной донёсся голос. Не Сайфера. Другой. Тихий, безэмоциональный.

— Ты правильно всё сказал. Передай ему, что мы ждём.

Линк осторожно обернулся и сделал пару шагов назад. В проёме, где только что сидел Сайфер, теперь стояли двое. Сайфер, сжавшийся, испуганный. И фигура в сером. Лица не разобрать, но Линк почувствовал взгляд — холодный, оценивающий.

Фигура исчезла в темноте, словно растворилась в ней. Сайфер остался один, дрожащий, сжимающий зёрна Архитектума в кулаке.

— Ты это видел? — спросил Линк.

— Видел, — ответил Скриб. — Тот же тип. Ни тепла, ни биополя. Он не человек. И он связан с Рейесом.

— Сайфер — двойной агент?

— Или просто пешка. Записал: «Наблюдатель №2». Связан с Рейесом. Контролирует информаторов.

Линк вышел на улицу. Холодный воздух Нижних уровней ударил в лицо — после духоты мёртвого дома он казался почти чистым. Почти.

Он вдохнул полной грудью. Но стоило ему распрямиться, как перед глазами поплыли круги, а в ушах зазвенело — тонко, на одной ноте. Словно частота 2,7 кГц, пульсировавшая в стенах и в собственном импланте, оставила в нервной системе долгий, затухающий след. Линк привалился плечом к стене, пережидая головокружение. Ладонь сама легла на запястье — имплант всё ещё вибрировал, слабо, на грани ощутимого. Не угрожающе. Скорее, как эхо недавнего узнавания: дикий XNA не напал, но и не остался равнодушным. Контакт состоялся — и теперь тело помнило это.

Пахло ржавчиной, субстратом и чем-то ещё — едва уловимым, как свежесть после грозы. Дикий XNA. Он был повсюду.

ГЛАВА 6. «Шесть чисел»

Свен предупреждал о засаде. Но Линк не видел другого пути. Если Рейес знал о коде матери, если он был связан с «Хироном», если он оставил след, ведущий в Лабораторию №7, — значит, встреча была неизбежна.

Он шёл по коридору, держась ближе к стене. Скриб считал шаги. Сто двадцать три. Сто двадцать четыре. На сто двадцать пятом — дверь.

Дверь была ржавой, но табличка — почти новой. Словно её повесили недавно, уже после того, как лабораторию забросили.

«Лаборатория №7. Falcon AIsis — биотехнологический отдел. Осторожно! Особо опасно! Несанкционированный доступ карается аннигиляцией личности».

— Аннигиляция личности, — повторил Скриб. — Звучит как что-то из старой бюрократической инструкции. Интересно, они выдают справку об аннигиляции? Для налоговой?

— Скриб, сосредоточься.

— Я всегда сосредоточен. Особенно когда нам угрожают аннигиляцией.

Линк постучал. Три коротких. Три длинных. Три коротких. Ритм, который преследовал его с момента смерти Торна. Ритм, который дрожал в нанокластерах. Ритм, который заставлял Ночник гореть.

Дверь открылась бесшумно, словно петли смазывали сегодня утром.

На пороге стоял человек, похожий на призрака. Седые волосы — не благородная седина, а желтоватая, как старый пергамент. Лицо измождённое, с глубокими морщинами, которые казались не следами возраста, а трещинами в фасаде. Глаза — выцветшие, почти бесцветные, но не пустые. В них что-то жило. Что-то, что наблюдало и рассчитывало. Он тяжело опирался на дверной косяк, и в этом жесте было что-то слишком тщательное, слишком поставленное — как у актёра, который хочет, чтобы зрители поверили в его слабость.

— Профессор Алансио Рейес, — прошептал Скриб. — Пульс девяносто, зрачки расширены, температура повышена. Он не безумен. Он... в предвкушении.

— В предвкушении чего?

— Не знаю. Но мне это не нравится. Кстати, ты заметил, как он опёрся на косяк? Слишком ровно для больного старика. Слишком... по сценарию.

— И мне тоже, — мысленно ответил Линк, а вслух ничего не сказал.

— Ты опоздал на четырнадцать минут, — произнёс Рейес голосом, в котором усталость мешалась с лёгкой укоризной. — А вообще я ждал тебя ещё вчера. Думал, ты вообще не придёшь.

— Я и не должен был, — ответил Линк. — Ваш «ученик» передал приглашение через третьи руки. Долго шло.

Рейес усмехнулся — коротко, почти беззвучно.

— «Ученик»? — Он покачал головой. — Линк, ты умнее, чем кажешься, но иногда — поразительно наивен. Нет никакого ученика. Это я распускал слухи через подставных лиц. Мне нужна была ищейка, которая придёт по следу. И ты пришёл.

Линк проглотил это молча. Скриб тихо выругался в его голове.

— Проходи, — сказал Рейес. — Времени мало. Они уже близко.

Лаборатория была маленькой, заставленной оборудованием. В центре стоял портативный синтезатор — нелегальный, собранный из деталей с чёрного рынка. Рейес прошёл внутрь шаркающей походкой, но Линк заметил, что его ноги двигаются слишком уверенно для человека, который едва стоит на пороге. На мгновение старик забылся — и шагнул твёрдо, без дрожи. Спohватился. Снова сторбился.

— Ты пришёл, потому что видел сигнал, — сказал Рейес, не глядя на Линка. Он смотрел куда-то в стену, но Линк чувствовал — его видят насквозь. — Потому что Ночник загорелся в три двадцать семь. Потому что в отражении окна увидел чужое лицо. Потому что кровь капнула на субстрат, и Ночник стал багровым.

Линк замер. Этого он не записывал. Этого не мог знать никто, кроме него и Скриба.

— Линк, — голос Скриба дрогнул. — Я не передавал эти данные. Мои протоколы изолированы. Он знает это... сам.

— Я всё знаю, — сказал Рейес, и в его голосе не было ни гордости, ни угрозы. Только констатация факта. — Я слышу частоты. Все частоты. В том числе те, что вибрируют в твоём импланте.

Он взял блокнот, открыл на середине, протянул Линку. «XNA7:2:47:14:205:7».

— Адрес, — сказал Рейес. — Координаты в библиотеке XNA. Библиотека — это гиперкуб всех комбинаций. Адрес — это координаты в этом гиперкубе.

— Ха-ха, в гиперкубе, — иронично заметил Скриб. — Такое вообще бывает?

— XNA7, — Рейес ткнул пальцем в первое число. — Тип остова. Седьмой. Соколов синтезировал его из сахаров, которых нет на Земле. Не ищи в учебниках — Veritas стёрла.

— Откуда сахара?

— Неважно. Дальше. Двойка — длина. От двадцати одного до пятидесяти мономеров. Сорок семь — состав. Хеш от первых двух оснований. Четырнадцать — фрактальный слой. Их бесконечно много, и каждый ветвится вглубь. Двести пять — позиция внутри слоя. И последняя семёрка — темпоральный сдвиг. Мутация. Живой код меняется, Линк. Он дышит.

Линк потёр лоб. Математика XNA давалась ему с трудом — он был следователем, а не генным инженером. Рейес заметил этот жест.

— Тяжело? — спросил он без издёвки.

— Не тяжелее, чем допрос конструкта, — ответил Линк. — Просто другой язык.

— Ты пошёл не в мать, — заметил Рейес. — Елена схватывала эти вещи на лету. Ей не нужны были объяснения — она сама их придумывала.

Линк поднял глаза.

— Хорошо, что не в отца.

Повисла пауза — на долю секунды длиннее, чем должна была. Рейес не изменился в лице, но пальцы, державшие блокнот, чуть сжались. Скриб зафиксировал микронапряжение.

— И кто же твой отец? — спросил Рейес ровным голосом.

— По документам — никто, — ответил Линк. — Мать не оставила записей. Но я видел кое-какие генетические карты. Мой отец был из тех, кто сначала создаёт, а потом ломает. Так что да, хорошо, что я не в него.

Рейес усмехнулся — криво, горько.

— Ты даже не представляешь, насколько ты прав.

Линк не ответил. Он считал своим настоящим отцом Волкова, хоть и отчёт ДНК этого не подтверждал. Но эта информация не имела значения.

Рейес откашлялся — нарочито надрывно, с хрипом, — и продолжил лекцию, будто ничего не произошло.

— Семь мутаций — это семь версий. Хроноспираль хранит каждую. Если ввести адрес без временной координаты, получишь первую, исходную. Но нам нужна седьмая. Та, что мутировала в Резервуаре.

Он подошёл к синтезатору, ввёл адреса по типу кислот. HNA — тип остова, гекситол-нуклеиновая кислота. CeNA — циклогексан-нуклеиновая.

Машина загудела — низкий, вибрирующий звук, от которого задрожали стёкла в шкафах. В прозрачной колбе за клубился золотистый туман. Он стучался, уплотнялся, и в центре

начало формироваться что-то твёрдое. Кристалл рос, как растение в ускоренной съёмке: сначала точка, потом нить, потом ветвящаяся структура, уходящая в себя фракталом.

Рейес извлёк кристалл пинцетом. Протянул Линку. Тот взял. Кристалл был тёплым — не нагретым, а именно тёплым, как кожа живого существа.

— Он вибрирует в такт твоему сердцу, — заметил Скриб. — Частота 2,7 кГц. Та же, что в импланте. Это не совпадение.

— Частота 2,7 кГц, — сказал Рейес. — Диапазон спонтанного считывания человеческим мозгом. Ты слышал её в ночнике. Ты слышал её в отражении.

— Что это значит?

— Это значит, что код жив. Он растёт. Он мутирует. Он ищет выход.

Рейес сел на продавленный стул — на этот раз без театральной дрожи, просто устало опустился, будто и впрямь выдохся.

— Ты знаешь, что такое XNA на самом деле? — Он посмотрел Линку прямо в глаза, впервые за всё время. — Veritas учит вас, что это инструмент. Ресурс. Субстрат для выращивания домов и дронов. Ложь.

Он взял планшет. На экране мерцала структура — фрактальные ветвления, уходящие в бесконечность, как корни дерева, пронзившего все слои реальности.

— XNA — это библиотека. Самая большая из когда-либо созданных. В ней записано всё. Всё, что было. Всё, что могло быть. Всё, что никогда не случится. Бесконечный гиперкуб комбинаций. Каждый кристалл, каждый дом, каждый дрон, каждая тварь, рождённая из сорного семени, — это книга из этой библиотеки. Просто Veritas не даёт вам читать.

— А что даёт?

— Veritas — сломанный навигатор. Она показывает только те адреса, которые нужны Администраторам. Остальное — закрыто. Запрещено. Аннигилировано. Но код живой, мутирует. Он ищет адреса, которые Veritas скрывает.

— Кто его создал? — спросил Линк.

Рейес усмехнулся — криво, горько.

— Владислав Соколов. Имя, которое Veritas выжгла из всех архивов. Тот, кто запустил «Арки» — проект, о котором ты никогда не слышал и не услышишь, инцидент на орбитальной лаборатории «Дедал», о котором, наверное, не осталось никаких подтверждений. Он хотел найти дыру в реальности. Прокол в ткани симуляции.

— И нашёл?

— Нашёл дверь. За ней — другие реальности. Другие версии нас. Другие симуляции, вложенные одна в другую, как матрёшки. И каждая — со своей библиотекой XNA.

— Зачем ему это?

— Он хотел узнать, кто запустил нашу симуляцию. И можно ли запустить свою.

Рейес говорил, и его голос был ровным, почти монотонным. Но иногда — на долю секунды — в его глазах мелькало что-то. Холодное. Расчётливое. Как будто за маской измождённого профессора прятался кто-то другой. Кто-то, кто играл в шахматы, пока Линк ещё только учился ходить.

— Линк, — голос Скриба был тихим, сосредоточенным. — Я анализирую микровыражения, тон, паузы. Он не врёт обо всём. Техническая часть про XNA — правда. Адрес предохранителя — вероятно, тоже. Но о чём-то важном он лжёт. Вероятность обмана — шестьдесят семь процентов.

— О чём? Как по мне, он просто спятил.

— Не могу определить. Он играет с тобой.

— Я знаю. Я играю с ним.

— Будь начеку, он явно гроссмейстер в этом деле.

— Три уровня, — сказал Рейес. — Архитектор, Резервуар, Интерпретатор. Архитектор — тот, кто создаёт адреса. Резервуар — тот, кто хранит. Хроноспираль. Интерпретатор — тот, кто декодирует.

— Вы — Интерпретатор?

— Я был им. Теперь я умираю.

Он кашлянул — глухо, надрывно. На пальцах осталась кровь. Линк заметил, что кашель прозвучал слишком вовремя — сразу после слов о смерти, — но списал это на совпадение.

— Veritas не прощает неповиновения, — сказал Рейес. — Вашу мать заменили. Как и многих других. Как и меня могли бы, если бы я не... договорился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.